

Илья Рясной

Семь
смертей
майора
Казанцева

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Илья Рясной

Семь смертей майора Казанцева

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рясной И. В.

Семь смертей майора Казанцева / И. В. Рясной — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Отставной русский военный становится оперативником международной организации "Фрактал". Он ищет предметы, способные менять мир. И однажды понимает, что оказался в самом центре противостояния мистических древних сил. И что реальность не столь неизменна, как кажется. И параллельный мир вовсе не пустая фантазия...Содержит нецензурную брань.

Илья Рясной

Семь смертей майора Казанцева

Пролог

Извержение супервулкана в Америке. Крупный астероид-убийца, подбирающийся к Земле и намеревающийся безжалостно смести с ее поверхности все человечество, как в свое время дальний его родственник поставил крест на динозаврах. Мировая война и террористические атаки. Крах финансовой системы и исчерпание нефти. Страшный вирус, не знающий милосердия.

Да, несть числа бедам, которые призывают на голову человечества безумные кликуши, предприимчивые деятели культуры и истеричные представители средств массовой информации.

Реки крови на фоне апокалипсических картин. Красивый фейерверк, после которого малым никому не покажется. Все громко и ярко. Катастрофы на загляденье! Мечта современников! Давно ожидаемый, будоражащий кровь простого обывателя глобальный ужас!

Но только так не бывает. Это всего лишь лубочная картинка для масс, которые ничего не знают и совершенно не понимают суть вещей.

Ведь по-настоящему страшные Катастрофы происходят совсем иначе. Они приходят интеллигентно, тихо и незаметно.

Просто однажды мой Поиск дает сбой. И очень важный Предмет оказывается не в тех руках.

И в этот момент ад перестает быть мифологическим понятием. Он переходит в разряд безысходной привычной обыденности...

Глава 1

Я точно помнил, что умер. Мне вогнали бритвенно-острый тесак в живот. И это было то небольшое, что сохранила моя память. Еще мне смутно вспоминалось, что перед этим был бой – полноценный, с взрывами и стрельбой.

Ну а всякие мелочи, типа, кто я, зачем и почему? Все это осталось лежать под пластом обрушившейся на мой разум горной породы, такой неподъемной базальтовой массы. И пробиться сквозь нее в моем плачевном состоянии пока не представлялось возможным. Мое сознание и так едва состыковывалось с нынешней реальностью. А мысли закручивались совсем уж в причудливые узоры.

Постепенно в голове стали всплывать другие картинки. Величественные негостеприимные горы со снежными пиками и хроническим недостатком кислорода. Опасные тропы, на которых срываются вниз вьючные лошади. Ночевки под усыпанным яркими звездами небом, укутанным одеялом Млечного пути. Развалины культовых строений и серые древние камни. Гладкая, как зеркало, скала. Что это? Наверное, это мой роковой путь.

Где это было? Зачем? И кто, черт возьми, я сам?!

Глаза мои были закрыты. Шевелиться я не мог. Руки-ноги как чужие. Разлепить веки и визуально сойтись с этим миром я тоже был не в силах.

Вместе с тем постепенно я осознал, что лежу в кровати под плотным одеялом. Справа едва слышно раздавались щелчки и механическое гудение.

Итак, я жив. И, наверняка, болен. Вот только самой боли почти не было. Лишь слегка покалывало в груди, да еще нервировало неприятное зудящее беспокойство в предплечье.

Но в целом состояние у меня было воздушное. Мягкая кровать, будто сотканная из потоков воздуха. Прозрачная легкость эфира вокруг, в течениях которого зависло мое тело. И время струится мимо.

Сколько прошло с того момента, как я вынырнул из вязкой тьмы? Минута? Час? Сутки?..

Я судорожно вздохнул. Толчок воли поднялся из солнечного сплетения. Пальцы на правой руке сжались в кулак. Казалось, мои колоссальные усилия могут сдвинуть горы. Но горы мне без надобности. Мне нужно всего лишь поднять веки.

И мне это удалось! В глаза ударил болезненный дневной свет.

Еще минута-другая. И я понял, что снова принадлежу себе. Как будто завел давно ржавшую в гараже машину. Пусть пока владею я своим телом и не слишком хорошо, но уже ощущаю, что оно мое. И что оно подчиняется моей воле.

Я скосил глаза и увидел хищное щупальце капельницы, тянущееся из раздувшегося, как насосавшийся комар, ярко красного пузыря.

В голове крутились смутные нечеткие понятия, быстро очищаясь и трансформируясь в слова. Капельница, иголка, вена. Понятия знакомые. Они без труда укладывались в голове и сводились к одному емкому названию – больница.

Что у нас еще рядом? Тумбочка с медицинской аппаратурой. В матово-белом металлическом ящике что-то пиликало, мигало. Все, как в голливудских фильмах.

Голливуд. Что это такое?.. Точно! Кинофабрика одной дряхлеющей сверхдержавы, пытающейся киношными фантомами придать иллюзию смысла своему существованию. Ту страну, как помню, я искренне ненавижу. Почему? Она – враг. Кому? Моей стране. Мне лично. Чем заслужила такую честь? Не помню. Но чем-то немалым.

Моя воля тем временем осваивалась в этом мире. Мне хотелось действовать. Память подкидывала все новые картинки. Хотя при этом забывала сообщить, кто же я сам. Но это неважно. Главное, я есть.

«Аз есмь». Это откуда?

Я пошевелился, приподнялся на локте и огляделся. На удивление быстро все-таки возвращался контакт с окружающей действительностью и с телом.

Я был в бездушно-белой комнате. Белые стены, белый потолок, металлическая, но тоже белая мебель. А вот под потолком глубоко темнел, как провал Черной Дыры, экран здорового телевизора. Шторы, конечно, тоже белые, закрывали окно. Но через них просачивались колючие лучи утреннего Солнца.

Кроме меня в комнате никого. Я ощутил себя жутко одиноким и стиснутым этими стенами. И лишним. Мое место не здесь. А где?..

Я дернулся. Резко присел в кровати. Выдрал иглы капельницы из руки. Сорвал датчики с груди.

Голова тут же пошла ходуном. Мир расфокусировался, поплыл, как изображение на теряющем сигнал телевизоре, а затем снова обрел четкие очертания.

Запиликала аппаратура на столике. Взвыл сигнал тревоги. Послышались шаги. Мое кристально чистое и прозрачное одиночество было в миг разбито, как соприкоснувшаяся с чугунной гирей хрустальная ваза.

Накатила волна слабости. Эх, рано я начал шевелиться. Оставалось снова распластаться на постели и прикрыть веки.

Послышались возбужденные и изумленные женские голоса:

– Он пришел в себя!

Началось мельтешение и столпотворение.

Мне стало хуже. Но я находил силы время от времени приоткрывать глаза. И тогда видел силуэты в белых халатах. Под халатами проглядывало зеленое сукно. Зеленое – это форма, вроде бы, военная.

Мне приоткрыли веко. Мигнули в зрачок фонариком, проверяя реакцию. Кольнули иглой в ладонь, от чего я непроизвольно дернулся. Послышался мужской бас, изрекший короткое и емкое ругательство.

Снова шум и женское чириканье. Которое перекрыл все тот же густой бас, призвавший всех немедленно заткнуться. Когда галдеж утих, мужчина стал кому-то докладывать по телефону:

– Да, он вышел из комы... Да, в контакте. Да...

Да, да, да.

Я вдруг немотивированно разозлился и вновь попытался встать. Задело меня слово «кома», ставшее вдруг донельзя личным и пугающим. Получилось у меня неважно. Сильные руки аккуратно вдавили меня в постель.

Шприц. Укол. Беспамятство...

Очнулся я уже при электрическом свете. Место то же самое. И кровать та же. За окном разлилась тьма.

У постели на стуле возвышалась грузная фигура, сперва показавшаяся мне нечеткой, сотканной из клубов дыма.

Но так уж получалось у меня сегодня – все ирреальное обретало реальность и очертания. Передо мной нарисовался грузный мужчина лет сорока. Его старила седая густая шевелюра, похожая на песцовую шапку. Черты лица крупные, приятные. Лик в целом располагающий – такой донельзя русский. Глаза были прищурены по-доброму, как у дедушки Ленина.

«Ленин – вождь мирового пролетариата», – подсказал мне мой трудно контролируемый, но весьма полезный внутренний голос. Да и ладно, пролетариата так пролетариата.

– Здравствуй, – улыбнувшись, произнес посетитель. – Пришел поинтересоваться, как это оно, выйти из комы.

– Нормально, – через силу просипел я.

Действительно, было почти нормально. Я даже смог приподняться и прислониться спиной к спинке кровати.

– Тогда скажи, кто ты? – потребовал посетитель.

– Я... Я... Я это Я. С большой буквы, – усмехнулся я.

– Резонно. Тогда кто перед тобой?

– Звеньевой, – губы будто сами прошептали это слово.

– Уже хорошо... Ну а как тебя зовут? Вспоминай! – хлестко прикрикнул гость, будто влепил мне пощечину.

– А я? Я...

– Ну же!

– Старьевщик. Просто Старьевщик.

Слово это стало камешком, вызвавшим обвал в горах. За него зацепилось еще одно слово, показавшееся мне очень важным – «Фрактал». А потом голова пошла ходуном. И меня понесло вперед, в шторм, как парусное судно, подхваченное шквалом воспоминаний, обрушившимся со всей стихийной жестокостью.

Я вспомнил все до мельчайших деталей.

Началась эта история совсем недавно. В Москве. В самом начале чудовищно душного и дождливого июня...

Глава 2

Старьевщик. Что-то пренебрежительное слышится в этом слове. Почти что мусорщик. Человек, собирающий мусор прошлого, живущий настоящим и не стремящийся в будущее.

Так? Не совсем. Ведь я сам предложил этот оперативный псевдоним. Он меня вполне устраивал и ни в коей мере не казался постыдным. Ибо я и был старьевщиком.

Восемнадцать лет я искал старые и, как будто, никому не нужные вещи. Но однажды любая вещь может стать ключевой. Смотри, кто ищет и для чего. Впрочем, эти самые КТО оставались для меня величиной неопределенной и малопонятной. А для чего – вообще тайна, покрытая непроглядным мраком. Но если звезды зажигают, значит это кому-то нужно. А если вещь ищут с такими усилиями и бешеными издержками, значит, она кому-то жизненно необходима.

Кем я был до того, как стал Старьевщиком? Предыдущая жизнь прошла как сон. В ней тянул лямку капитан РВСН, после одного инцидента комиссованный по здоровью на нищенскую пенсию. А затем я нашел не то, чтобы новую работу. Я нашел себя.

И вот в итоге лежу на госпитальной кровати. Не в первый и, скорее всего, не в последний раз. Кстати, это ложе обладает рядом полезных значений. Прежде всего, оно означает, что если ты на нем, то, значит, еще жив. А выжить бывает порой совсем нелегко. Настолько нелегко, что это проходит даже не по разряду везения, а по категории чудес. Чудес, которых, якобы, не бывает, но они мне встречаются с неизменным постоянством.

Итак, как я оказался здесь, в госпитале Министерства обороны в Ближнем Подмосковье, известным тем, что здесь проверяли здоровье первых космонавтов? Конечно же, в результате выполнения специфических служебных обязанностей. И началось все со встречи со Звеньевым. Все мои неприятности и победы всегда начинались со встреч с ним.

Конспирация – каким количеством возможностей она обладает в наше высокотехнологичное время. Интернет, радиозакладки, засекреченная связь. Можно всю жизнь прожить и не увидеть своего куратора по спецслужбистским делам, а только бесконтактно получать задания, деньги и документы. Но Звеньевой предпочитал встречаться лично. Ему зачем-то обязательно необходим был разговор с глазу на глаз. Это правило выполнялось неукоснительно.

Хотя было на моей памяти одно исключение, но на то оно и исключение, что бывает в исключительных случаях. Тогда мне передали по кодированному каналу задание, которое я успешно и без напряжения исполнил. А через несколько дней после этого встретился со Звеньевым на Невском проспекте в Ленинграде. И понял, что для отказа в предыдущей встрече у него были очень серьезные основания. Это была тень от бывшего человека. Исхудавший, с ввалившимися глазами и забинтованной шеей. Ему было плохо, но он нашел в себе силы пересечься со мной. Вновь понадобились услуги Старьевщика в поисках еще одной, непонятно зачем нужной вещи.

– Тяжело пришлось? – спросил я его тогда сочувственно.

– Бывало и хуже. К делу не относится. А дело – мне нужны вот эти часы, – он протянул мне фотографию золотых карманных часов на цепочке. – Фирма «Бланкпайн», начало двадцатого века. Культурной и исторической ценностью не обладают.

– А какой обладают?

– Определенной. За это не беспокойся...

Нашел я эти часы. А потом отыскал фолиант шестнадцатого века на староанглийском языке с корявыми пометками на полях. И еще много чего. Я всегда все находил.

Встречи Звеньевой назначал обычно в экзотических местах. На сей раз местом randevу был избран павильон «Космос» на Выставке достижений народного хозяйства.

Недавно реставраторы привели ВДНХ в состояние, в котором она пребывала в начале пятидесятых годов двадцатого века. Вернули ей изначальную антично-коммунистическую эстетику. Величественные творения сталинских архитекторов являлись зримой констатацией классической культурной традиции, возрождавшейся при социализме и, как мне кажется, являвшейся довольно позитивной. Особенно в сравнении с примитивным топорным конструктивизмом, победившим у нас позже – и в культуре, и в науке, и в жизни.

Мы неторопливо прогуливались по просторному павильону, где под гигантским стеклянным куполом висела ярко-зеленая модель космической военной орбитальной станции «Алмаз» в полную величину. Был такой значительный, но фатально невезучий проект холодной войны.

Я всегда испытывал тягу к аэрокосмическим музеям и экспозициям. Мой дух органично совместим с энергией космической экспансии, взбурлившей в пятидесятые годы во всем мире и ушедший в пустой хлопок в наше меркантильное время.

Звеньёвого тоже воодушевлял вид космической техники времен первопроходчества в Великую Пустоту.

– Я рос, когда в слове космонавт слышалось нечто божественное, – пояснил он. – Тогда нам все казалось просто. Я был свято убежден, что двухтысячный год встречу в экспедиции на Марсе. Что нас ждет звездное будущее. На дворе двадцатые годы двадцать первого века. И где базы на других планетах?

– Не срослось, – развел я руками.

– Знаешь, мы уперлись в барьер. Сдвинь чуть в сторону физические и социальные константы – и мы бы устремились к звездам. Но физические законы приковали нас к поверхности. А законы общественные не дают возможностей кардинального технологического прорыва. В результате... В результате мы с тобой безнадежно прикованы к организации, которая не брезгует ничем, лишь бы сдержать накатывающийся распад.

Что-то он разоткровенничался и вроде даже в каких-то сомнениях. Что происходит, если куратор вдруг демонстрирует минутную слабость? Да еще говорит куда больше положенного, хотя за язык его не тянут!

– Тебе новое задание, – Звеньёвой нацепил на лицо обычную маску отстраненности от мирских дел.

– Предмет? – уточнил я.

– Он самый. Пятый Свиток Тамаха Ан Тира.

– Что это? Откуда? Где искать? Есть информация?

– Ничего нет. Только название. И уверенность, что это не фантазия, а реальная вещь.

– Где вы только берете настолько сырую информацию? – скривился я недовольно.

Вот так всегда. Название. Иногда фотография. Совсем редко – наводка, где и как искать, и тогда вообще никаких проблем, кроме как прийти и забрать. Притом способы изъятия не важны. Кража, грабеж, налет, даже убийства – все позволялось. Все списывалось. За мной стояло прикрытие, ставящее меня над законом. Но над законом стояли и многие из хранителей этих вещей. Тяжело приходилось порой. Я не раз балансировал на тонком канате над бездонной пропастью гибели и совершал поступки, о которых лучше не вспоминать.

– Анатолий, учти, это очень важно, – эти слова куратора будто ударили меня. Никогда он себе такого не позволял. Задание и задание – одно из многих. Ан нет.

– Даже так, – протянул я.

– Это, пожалуй, самое важное зерно нелокальности из тех, что тебе приходилось видеть.

– Зерно нелокальности? – это название я слышал от него впервые.

– Предмет. Зерно. Неважно... Работай, Старьевщик. И проникнись...

Я проникся. Потому что непробиваемый Звеньёвой пугал неожиданно пробившейся через сталь его характера растерянностью...

Глава 3

Когда не знаешь дорогу, надо ее спросить – есть такое старое правило. Слава Богу, за долгие годы и бесконечные акции у меня набрался длинный список людей, готовых квалифицированно ответить на мои самые каверзные и сложные вопросы.

С этой целью я отправился к своему старому знакомому – заместителю директора Института археологии Академии наук России Николаю Одоевскому.

Это был настоящий, можно сказать, хрестоматийный археолог. Чуток чудаковат, сильно бородат и совершенно фанатичен. А еще он слыл крупным специалистом по древним рукописям.

Лето было страшно душным, давящим, будто выказывающим свое недовольство человеку. Уже который день подряд над головой висели низкие тучи и с завидной периодичностью моросил мерзкий и противный дождь. Не было у меня радости от лета, которое будто предрекало грядущую немилость окружающего мира. И от этого чувства я не мог никак отделаться.

Я махнул удостоверением, как волшебный ключик открывающим большинство дверей. Охранник в черной форме ЧОПа, напоминавшей комбез нацистского танкиста времен Великой Отечественной войны, кивнул и поднял шлагбаум. Мой «Опель-звезда» проехал в густо поросший деревьями дворик Института археологии, обустроившегося на улице Дмитрия Ульянова в кирпичном и невзрачном здании шестидесятых годов прошлого века.

Стоянка была плотно заставлена машинами, в том числе весьма дорогими. Хорошо живут археологи. А вон и свободное место, где можно припарковаться...

Кабинет Одоевского на четвертом, последнем, этаже недавно отремонтировали в стандартном офисном стиле – с жалюзи, металлической мебелью, навесными потолками и прочими радостями современного дизайна. Однако он уже приобрел вид склада. Берестяные грамоты, черепки, наконечники копий валялись на столах, столиках, стульях и даже на полу. И еще везде лежали груды папок с рукописями, фотографиями раскопок.

Этот рабочий беспорядок у профессора был вечен. Нет такой силы, что способна из этого хаоса сотворить что-то упорядоченное. Хотя для Одоевского это был, несомненно, порядок. Просто это его личный порядок во враждебном для него мире прямолинейно-перпендикулярного хаоса, почему-то именуемого упорядоченностью.

– Кофе и твой жуткий табак – не лучшее сочетание для сердца, – назидательно произнес я, перекладывая со стула запечатанную картонную коробку, внутри которой что-то позвякивало.

Кабинет весь насквозь пропах табаком. Профессор курил трубку, при этом где-то находил настолько ядреный самосад, что у окружающих начинали слезиться глаза. Поэтому чаще он дымил в одиночестве. Крепких напитков не принимал принципиально, если, конечно, таковыми не считать крепкое кофе. Очень крепкое. Он вообще любил во всем крайности – чтобы до предела, до черты, до последних усилий.

– Сердце, сердце, – Одоевский, седовласый статный мужчина пятидесяти девяти лет, потер грудь. – Вроде мой пламенный мотор пока работает. На наш век хватит.

– Мне искренне хочется, чтобы твой век продлился подольше. Иначе у кого я буду консультироваться.

– Ты прагматик, Толенька. Нам, романтикам, с вами тяжело. Нет, чтобы сказать, как я тебе ценен в метафизическом плане. А ты – консультация. Упырь ты чекистский, – хмыкнул он.

– Ну да, ГУЛАГ Архипелаг. Сильно вас, интеллигентов, потрянуло тогда.

– Я историк. Для меня все эти репрессии вполне вписываются в базовые теории власти и государства. Так что я не заламываю руки и к кровавому НКВД отношусь ровно. А тебя так вообще люблю как сына... Ну, так что надо-то?

– Пятый Ситок Тамаха Ан Тира. Говорит это тебе что-нибудь?

– Ничего не говорит, – подумав, покачал головой Одоевский. – Вообще никаких ассоциаций не вызывает. Не похоже ни на библейскую традицию, ни на мусульманскую или индуистскую. Скорее всего, выдумка фантастов. Ты же знаешь, с каким остервенением они окучивают историческую ниву, выдавая свои болезненные фантазии за науку.

Произнес он это с некоторой ноткой неуверенности, будто пытаясь поймать за хвост какую-то мысль.

– Николай Вениаминович, тебя что-то смущает? – напрямую спросил я.

– Что-то смущает, – согласился профессор. – Но что именно?

Я кивнул на турку для кофе – старую, медную, стоящую на электрической плитке:

– Чашку стимулятора?

Кофе настраивает профессора на нужный лад. И активизирует его бездонную память.

– Уговорил, чертяка, – Одоевский занялся приготовлением кофе – это дело он не доверял никому.

Кофе он готовил отличный. Со всего мира его преданные ученики и признательные коллеги присылали ему кофейные зерна. Варил он божественный напиток с какими-то хитрыми добавками.

Я с удовольствием отпил обжигающий кофе. А Одоевский отхлебнул глоток рассеянно. Мысли его явно витали где-то далеко. И это хороший знак.

Внезапно лицо профессора прояснилось. Он вскочил с кресла и подошел к книжному шкафу, занимавшему всю стену до потолка. Обычно этот предмет мебели в начальственном кабинете рассчитан на то, что в нем будут стоять красивыми рядами тяжелые книги с золотым тиснением, которые никто не раскрывает веками, но своим видом они внушают уважение и благоговение. У Одоевского книжный шкаф был завален в беспорядке горами газетных подшивок и различных печатных изданий – начиная от брошюр и кончая старинными фолиантами.

Пыхтя, он стал копаться в этих завалах. Извлек с задворок толстый том во фризово-яркой обложке – с драконами, иномирными существами и мордой голливудского археолога Индианы Джонса в центре этого безобразия.

– Во! Серия «Загадки Вселенной». Название – «Опасные рукописи Востока». Подарок главного хранителя Музея Востока Сартакова.

– Как-то не сильно похоже на научный труд, – заметил я.

– Беллетристика. Доктор наук Сартаков очень вовремя приспособился рубить денежки на вспыхнувшем как пожар интересе наших соотечественников к сказочному Востоку. Ну, знаешь, было время, когда миллионными тиражами печатались мемуары всяких тибетских лам, которые и на Тибете никогда не были, а безвылазно прожили в Лондоне или Запорожье.

– Эта книга такого же толка?

– Написано бойко. В детективном ключе. Но в целом объективно. Вот, например, – Одоевский, пролистнув страницы, нашел искомую. – Раздел про «Некроманикон», книгу, выдуманную американским писателем Лафткафтом. Шизофреники и оккультисты всех мастей почему-то считают ее реальной и тщательно сокрытой от посторонних глаз. Надо отметить, что Сартаков так и пишет – мистификация... Так, дальше... Вот она!

Одоевский аж подпрыгнул от радости, что оказался прав, и его феноменальная память, схватившая эту строчку давно и мельком, не подвела. И процитировал с выражением:

– «Свиток Тамаха Ан Тира» упоминается в монастырских рукописях Индии в начале пятнадцатого века в привычной для Востока многозначительной стилистике – тот, кто освоит скрытые в нем знания, будет наделен силой передвигать звезды». Все...

– Диагноз ясен. Сказки про меняющие мир рукописи. Которые, как говорил Булгаков, не горят. Врал, конечно.

– Брат мой чекист. Ты плохо представляешь силу рукописей. Они – воплощенное слово. Именно обретший слово дух создал мир. Так почему слово не может изменить мир?

– Ты серьезно?

– Еще как серьезно...

– Не замечал в тебе склонности к мистике.

– А зря. Понимаешь, когда углубляешься в любую науку достаточно глубоко – хоть в археологию, хоть в химию, хоть в ботанику, понимаешь – за каким-то пределом наше рациональное осмысление не то, чтобы буксует. Оно просто перестает работать. И есть смыслы гораздо выше, чем наша логика.

– Может быть, – рассеянно кивнул я.

– Ну что, помог тебе?

– С высшими смыслами – да. А вот с рукописью не шибко. Съезжу к этому Сартакову. Может, с него толку больше будет.

– Ох, с него-то обязательно толк будет. Это мы серые подвальные мыши. А он... – Одоевский ехидно улыбнулся. – Он ого-го!

– Спасибо, Николай Вениаминович. Куда бы я без тебя... И телефончик Сартакова черкани.

– Бери, – Одоевский выдвинул верхний ящик письменного стола и протянул мне изящную, с золотым тиснением, визитную карточку. Там плотным текстом перечислялись регалии и заслуги телефоновладельца. Плюс к отпечатанным на визитке номерам был приписан авто-ручкой еще один – как я понял для особо-доверенных.

– Он в Москве? Не завис в экспедиции или на конференции? – поинтересовался я.

– Вчера с ним разговаривал. На работе он. И завтра в девять будет в своем кабинете. Большой педант.

– Сошлюсь на твои рекомендации?

– Конечно. Сегодня вечером ему звякну и попрошу просветить молодого человека в тонкостях истории. Ну, представим тебя моим аспирантом.

– Не смеши. С моей необъятной широтой познаний при их ничтожной глубине... Скажи, что придет журналист «Комсомолки», который пишет бульварщину про загадки истории.

– Да, бульварщина – это тебе ближе, – ехидно поддакнул Одоевский...

Внизу, пройдя мимо охранника, я остановился в дверях, боясь шагнуть вперед. И я был не один такой. Там уже столпились люди, которым, как и мне, страшно не хотелось выходить наружу.

Пока я выведывал у Одоевского нужную мне как воздух информацию, как-то неестественно резко похолодало. Градусов на десять. Душная жара уступила место промозглой зябкости, вошедшей в стовор с резкими порывами ветра, дабы доставить двуногим, считающим себя хозяевами мира, как можно больше дискомфорта.

Дождь стоял стеной, по асфальту текли потоки мутной кипящей воды. Я замер, всматриваясь в этот поток, и он как будто уносил мое сознание куда-то вдаль. В тревоги будущего.

Прошло минуты три. Дождь и не думал стихать. Поэтому я отважно решил промокнуть, как котенок, но добраться до машины, застывшей метрах в ста от входа.

– На погружение! – отчаянно крикнул я всем, ждущим хорошей погоды. На меня посмотрели с уважением – мол, безумству храбрых поем мы песню. А я ринулся под потоки дождя.

Бегом добрался до машины, промокнув до нитки. Заскочил в салон. Включил печку, чтобы просохнуть.

Переведя дыхание, попытался прикинуть ближайшие планы. Сегодня вроде дел больше нет. Так что можно и на базу – именно так именовал я свое временное пристанище. А постоянных у меня не бывает.

Сартаков с немецкой пунктуальностью будет на работе в девять утра. Вот в десять его и навестим.

Но опять что-то нехорошо кольнуло меня в области груди. Время и события будто сужались, я ощущал это физически.

Встряхнув головой, сбросил наваждение. Включил дворники, попытавшиеся разгрести стену дождя. И тронул машину с места...

Глава 4

Мы шли по безлюдным просторным залам Музея Востока. Сегодня там был санитарный день. Пространство освободилось от равнодушных праздных посетителей и фанатичных любителей древностей.

Музей располагался в узком арбатском переулке в солидном здании начала двадцатого века, с фасадом модного в те времена изящного стиля «модерн». Сам переулок выходил на Калининский проспект, предмет глухой ненависти старых москвичей. Многоэтажные бетонно-стеклянные клыки этого архитектурного монстра в свое время хищно и с хрустом перекусили напополам так милый сердцу туземцев старый добрый Арбат.

Музейные стены были плотно увешаны картинами, в глубине которых на фоне голубых гор скакали золотые всадники, несли мудрость фиолетовые Махатмы. И рвался с холстов, норовя схватить тебя за горло, таинственный эфемерный Восток.

– Рерих, – с долей иронии и сарказма произнес сопровождавший меня по музею благообразный, уверенный в себе и благородно седовласый, крепкого телосложения Сартаков. – Потрясающая фигура.

– Несомненно, – важно кивал я, демонстрируя осведомленность. – Гуру. Великий мистик и учитель.

– А мне кажется, великий прагматик. Он ведь достаточно средний художник. На фоне толп импрессионистов, авангардистов, классиков и имитаторов имел все шансы затеряться и остаться никому неизвестным. И тут он хватается за хвост удачу, – речь у главного хранителя Музея Востока была гладкая, размеренная и убедительная, он будто читал лекцию студентам. – Знаете главную основу коммерческого процветания?

– Смотря что вы имеете в виду.

– Бизнесмен с нуля может создать удачный бизнес только в той сфере, которая ранее не окучивалась. То есть придумать что-то совершенно новое. Гамбургер. Кока-Кола. Эйч-фон. То, что не делали ранее. И нужно успеть застолбить свое место, свою торговую марку, чтобы это ноу-хау соотносили именно с твоим именем. Бренды правят миром. Рерих стал брендом загадочного Востока. И весьма успешно его эксплуатировал.

– Так уж и брендом. Может, первооткрывателем для обывателя?

– Не без этого, – хмыкнул доктор исторических наук. – Представьте, как это было. Начало двадцатого века. Индия, Китай являлись пресечением геополитических интересов тогдашних сверхдержав – Англии, России. Восток манил неискушенного западного человека своими тайнами и кружил голову. Ведь там закрытый Тибет, куда не пускали чужих. Загадочная религия Бон. Теократии. Горные монастыри. Скрытые знания. Да еще мадам Блаватская подливала масла в огонь с ее нудными претенциозными фантастическими произведениями. Процветали теософские общества. Грех такой конъюнктурой не воспользоваться. Вот и появляется новый исследователь Востока, пишущий тысячи картин на этой почве. Николай Рерих!

– Удачливый исследователь, надо отметить.

– Это точно. Даже чересчур. К его экспедициям кто только не пытался примазаться. И ГПУ, и английская разведка, и немцы. Даже американцы, которые потом за какие-то непонятные заслуги перед США поставили ему памятник. В результате посредственный русский художник становится признанным гуру, значимой фигурой. Тут еще его экзальтированная жена подкинула уголька с ее «Агни Йогой». И понеслось. Знамя мира. Объединение культур Востока и Запада. А если посмотреть проще?

– Как именно?

– Художник приобрел всемирную известность. У него толпы почитателей, последователей и фанатиков, в глазах которых он поднялся до ранга сверхчеловека. Семья отлично построена. Дивиденды капают. И все это эксплуатация тайн Востока.

– А у Востока нет тайн? – я старательно играл роль туповатого, но полного энтузиазма журналиста «Комсомольской правды».

– Таких, которые проповедуют рерихнутые – конечно, нет. Все эти мистические откровения мудрецов не больше, чем набор древних религиозных представлений. Чуть выше обычного шаманства. Это лишь истоки постижения человеком мира вокруг, когда еще одушевлялись силы природы. Когда везде мерещились демоны.

– Понял. Тайн Востока нет.

– Как же нет? Есть, – снисходительно проговорил главный хранитель музея. – Взаимопроникновение цивилизаций. Разрушенные древние города, письменность которых мы не можем расшифровать. Происхождение орнаментов на гончарных изделиях. Просто это тайны, скучные для большинства людей.

– Вы же вполне успешно пишете о жгучих тайнах истории.

– Вы о той бульварной книге? Чего только не сотворишь с голодухи...

Мы прошли в комнату Главного хранителя. Небольшой кабинет. Все чисто прибрано, разложено по полочкам. Полная противоположность кабинету Одоевского.

Да и сам Сартаков производил впечатление конченного прагматика-аккуратиста. Такого ученого сухаря, не склонного к полету мысли и фантазиям. И любившего не только науку в себе, но и себя в науке. Выглядел весьма преуспевающе – дорогие часы, брендовый, с иголки, костюм. Да, в брендах и прагматике он разбирался не только на словах. Но и свою профессию знал отлично.

Я устроился на стуле, обитом красной кожей. Поблагодарил за чай, который принесла нам строгая дама – секретарша директора. И изложил цель своего визита.

– Ну что вам сказать. По некоторым крайне непроверенным слухам, Сиддхартти Гуатама создал свое учение буддизм, пытаясь понять, что написано в этом Свитке, но в силу скудоумия так и не понявший ничего. Поэтому буддистское учение изначально искажено.

– А в реальности есть этот Свиток?

– Может и был. Но есть ли... Человечество уничтожило огромное количество книг, глиняных табличек. От античной литературы дошли крохи. Потому что книги хорошо горят, а глиняные таблички отлично бьются. Даже если и был Свиток когда-то... В чем я сомневаюсь – очень это похоже на сказку о волшебных предметах – саморасчесывающемся гребне и самоварном горшочке. Но предположим – был. Однако шансов дойти до нашего времени у него ничтожно мало...

– Возможно, Свиток все же есть.

– Господи, что за странный интерес к ничтожным вещам?! Вот у меня монография в три тысячи страниц по письменным источникам Древней Индии. Я лично находил неизвестные манускрипты. Собрал уникальные мифы – буддийские, тибетские, мусульманские. Вся моя жизнь в этом. И никакого интереса у общественности. А сказочный Свиток Тамаха Ан Тира вдруг понадобился всем.

– А что, кто-то еще интересовался им? – напрягся я, предчувствуя пугающие неожиданности.

– Ива Даньянова, аспирантка истфака МГУ, вцепилась мертвой хваткой в эту тему.

– Давно?

– Да уже с год. Потом этот профессор Асвальд Хансен из Стокгольмского университета.

Тут уж чувство близкой опасности взорвалось в моем сознании красным мерцающим сигналом тревоги.

– Профессор Хансен, – протянул я. – Знакомая величина.

– А мне не очень. Никогда до этого лично с ним не сталкивался. Читал как-то его статью – довольно примитивный западный эгоцентрический взгляд на мировые культурные процессы. Но в общении забавный экземпляр оказался. Довольно бойко изъясняется по-русски.

Я вытащил эйч-фон из своей наплечной кожаной сумки, с которой не расставался. И вскоре нашел на сайте Стокгольмского университета фотографию профессора.

– Он? – протянул я Сартакову эйч-фон.

Главный хранитель озадаченно посмотрел на изображение. И неожиданно заявил:

– Похож, но разрез глаз другой, ушная раковина...

– Вы специалист по описаниям внешности?

– Увлечения молодости и фотографическая память, – Сартаков озадаченно отодвинул эйч-фон. – А кто же это был? И что вообще делается? Вы что-то недоговариваете?

– Несомненно, – я продемонстрировал удостоверение. – ФСБ. Майор Анатолий Казанцев.

– Как известный фантаст.

– Да, был такой. Но я не он, – хмыкнул я.

– Беру обратно свои слова, что чудес не бывает. Офицер ФСБ выспрашивает о Свитке Тамаха ан Тира. Это ль не чудо?

– Уверяю вас, это просто неинтересная служебная обыденность... Будьте добры пойти мне навстречу.

– А что я могу?

– Держать в тайне нашу беседу – это само собой разумеется. И еще – сейчас к вам подъедут наши специалисты. Составите с ними фоторобот профессора. А сейчас мы поищем его на внутренних видеокамерах музея.

– С камерами не выйдет. Именно в этот день был сбой, и информация не сохранилось.

– Удивительное совпадение.

– И, к сожалению, сейчас я уезжаю. В Департаменте культуры Москвы совещание, я не могу его пропустить. Потом встречаюсь с моим бестолковым аспирантом. Затем оцениваю старинную рукопись – я ведь внештатный консультант Московского торгового антикварного дома. Время терпит?

– Не терпит.

– Тогда сговоримся на том, что я жду ваших людей у себя дома. Все равно, даже если незамедлительно отложу все дела, толку с меня никакого – буду весь на взводе, не сосредоточусь должным образом. А около десяти вечера я буду на своей квартире. Дочка во Франции, с женой в разводе. Живу один. Там нам никто не помешает.

Я прикинул. И, правда, несколько часов ничего не решают. Может, так даже лучше. В спокойной обстановке ребята так вывернут Сартакова наизнанку, что он даже сам не поймет, что происходит. ЗадOCUMENTИРУЮТ. Заставят подписать кучу бумаг. Не думаю, что он нам понадобится в дальнейшем, но на всякий случай.

– Хорошо, – согласился я без особой охоты.

– Мой адрес...

– Садовническая, восемнадцать.

– Точно, – кивнул Сартаков, немножко помялся и произнес: – Скажите, а что-то действительно серьезное происходит?

– Надеюсь, что нет. И уж вам точно бояться не стоит.

– Да я как-то и не боюсь, – с оттенком сомнения в голосе произнес Сартаков.

Понимаю его состояние. Он, человек раритетов, книг, букв и иероглифов вдруг по делам минувших тысячелетий мог оказаться замешанным в какую-то неприятную историю. Большой мир, от которого он спрятался в глубине веков, решил напомнить о себе...

О том, что бояться не стоит, я лукавил. Бояться очень даже стоило. Потому что, похоже, на моем пути появился дест. А где дест – там сплошная зона опасности...

Глава 5

Изделие мебельных дел мастеров восемнадцатого века не только радовало глаз прекрасной резьбой, отделкой из серебра и позолотой, но и было отлично отреставрировано. Тучный смуглый хозяин респектабельного антикварного салона в Сарагосе болезненно поморщился, когда на эту изразцовую столешницу я со стуком поставил кейс, груженный внушительной суммой денег.

Кого другого наличие в руках такого богатства взволновало бы, может, даже до икоты. Но мне было совершенно все равно. Деньги для меня не значили ничего. Они лишь средство для достижения поставленной мне куратором цели. Сто долларов или миллион – между ними никакой разницы. Главное, чтобы они были достаточными для выполнения задания и изъятия Предмета.

На этот раз Предмет представлял собой примитивную старинную китайскую фигурку богини плодородия. Не слишком уникальная и ценная по меркам антикварного рынка вещь, а покупал я ее втридорога. Мои кураторы по поводу такой невыгодной коммерции не печалились. Иногда за пустую безделушку они готовы были выложить все богатства мира, до которых только могли дотянуться. Почему? А кто их разберет.

Я пододвинул кейс хозяину салона, расплывшемуся своей бесформенной массой в кресле стиля ампир. Мы были довольны друг другом. Я – тем, что быстро и безболезненно нашел Предмет. Он же радовался, что обдурил заезжего дилетанта и слупил с него такую непомерную сумму.

Ничего во мне не екнуло в тот момент. Я был благодушно расслаблен, забыв главную заповедь – не расслабляйся никогда. А особенно на завершающем этапе, когда дело еще не закончено.

Спасло меня то, что я в последний момент различил скользнувший в помещение с улицы силуэт. Точнее, увидел его отражение в стоящем на столе серебряном кофейнике, из которого меня угощали фирменным испанским отваром из ягод и трав. Тут же рухнул, как куль, на пол, пытаюсь одновременно перевернуться.

Предназначенная мне пуля угодила хозяину антикварного салона в толстое брюхо. И он, пискнув, упал, заерзал по полу, отчаянно причитая и подывая от боли.

Я выглядел со стороны, наверное, не слишком презентабельно, изгибался неэстетично, переворачивался, махая руками и ногами. Но я ведь не снимался в кино, где главное, чтобы было красиво. Я действовал максимально эффективно, когда каждое движение определено только необходимостью выживания и победы. Настолько проворно работал, насколько мог.

Оказалось, мог я достаточно, чтобы выжить. Пули убийцы прошли мимо. А я, лежа в крайне неудобной позе, нажал на спусковой крючок.

И с первого выстрела уложил противника.

Пытаясь выровнять дыхание, я встал. Меня готовили к чему-то подобному. Учили очень хорошо. Натаскивали жестко, а порой жестоко, настоящие специалисты своего дела. И я их не посрамил. Враг лежал бездыханный. А я был жив. И магазин моего «Браунинга» полегчал всего лишь на один патрон.

Враг был бородатым, статным, броско красивым мужчиной, наверняка, любимцем женщин и жуиром. Но теперь его внешность сильно портила дырка во лбу. Кто он? Зачем пришел сюда? Может, просто грабитель? Или случайный киллер по старым делам заглянул к антикварщику? Нет, я был уверен, что это дест. Так их называл Звеньевой, предупреждая меня ни на миг не терять бдительность.

Я взял Предмет и ушел. Оставил за спиной мертвого врага, раненого антикварщика и кейс с евроталерами. А потом успешно смылся из Испании по каналу экстренной эвакуации...

Следующая встреча с дестом была еще горячее. Сезон дождей. Лаос. Раскопки старинного храма. И приличная войнушка. Тогда я уложил немало народу из его группы сопровождения. Из моих спутников не остался в живых никто. Но опять в итоге Предмет достался мне. И я снова стоял над распростертым телом возникшего из неизвестности врага. Пришедшего за тем же, за чем и я... Потом был бандитский район Чикаго... Много чего было.

Дест. Если говорить полностью, то это звучит как дестроер. Какое-то претенциозное слово родом из малобюджетных американских фантастических киношек восьмидесятых годов. Переводится как уничтожитель. Сокращенно «дест».

С профессиональной терминологией в нашей организации, именуемой «Фракталом», всегда чехарда и непонятки. То десты, то звенья и зерна. У меня ощущение, что кто-то просто развлекается, как ребенок, запуская эту терминологию. Но термины становятся общеупотребительными в нашей профессиональной среде и, значит, наполняются для нас совершенно определенным и емким содержанием. Поэтому «дестроер» в устах школьника звучит забавно. А в моем исполнении – зловеще и смертоносно...

Десты. Они время от времени встречались на моем пути. Обычно мы шли по одному следу примерно в одно время. Кто они – я не знаю. На кого работают – тоже ноль информации. Да что там десты, на кого работаю я сам – тоже представления имею самые смутные.

Мои встречи с дестами всегда заканчивались дракой и стрельбой. И победы давались мне с большим трудом. Год назад, оставив за спиной три бездыханных тела врагов, я попал в лапы хирурга, который долго и со вкусом выковыривал из меня пули.

У дестов одна особенность. Уж на что мы порой не стесняемся в средствах, но всегда стараемся держаться правила причинения наименьшего ущерба посторонним. А десты всегда безразлично и бесстрастно идут по головам. Если есть выбор – стрелять или не стрелять, они непременно выстрелят. Они смахивают людей, как пыль. Это еще одна из причин моей, мягко сказать, нелюбви к ним.

Сейчас, с появлением на горизонте деста, ситуация не просто обостряется. Начинается гонка с препятствиями, а то и биатлон с поражением мишеней. Чемпион получит все, то есть Предмет.

И чемпионом должен стать я. Поэтому, за работу! С Богом, наваясь!

Для начала необходимо переговорить с аспиранткой Ивой Даньяновой, которая якобы уже год занимается исследованиями мифического Свитка...

Выйдя из музея, я отъехал на два квартала. С трудом нашел место для парковки около многоэтажного стеклянного торгового центра «Лимонтин», грубо втиснувшегося между старинными московскими особняками. Заглушил мотор.

Перегнувшись через сиденье, я нащупал панель тайника и извлек обычный с виду ноутбук. С виду игрушка для богатеньких Буратино с логотипом в виде надгрызенной груши – известный мировой бренд, приводящий в иррациональное возбуждение огромные массы креативного класса. Корпус стальной, клавиши с золотом. Богато, конечно, но не более. Однако это внешняя сторона. По сути же это одно из тех технических чудес, которыми монопольно владеет «Фрактал». Как вакуумный насос, этот комп высасывает из информационной атмосферы любой степени разреженности нужные сведения, с легкостью взламывает закрытые сети, использует все способы для выхода в паутину – спутниковые сигналы, вай-фай и еще не пойми чего. Те же милицейские базы данных для него так же доступны, как для меня новый номер журнал «Столица» в газетном ларьке.

Спецы и хакеры родную бабушку в ломбард бы заложили, чтобы заполучить такую штуковину. Этот ноутбук на пару поколений обогнал существующий уровень компьютерной тех-

ники. Таких технологий не должно быть. Но где-то они были. Интересно все же, откуда их черпает «Фрактал»?

Впрочем, как говорил Остап Бендер «не делайте из огурца культа». Я могу раздолбать этот комп, хотя это и непросто – он сильно противоударный. Могу потерять, тогда в нем срывается система самоликвидации. Мне принесут новый – в тот же день, и слова грубого не скажут. Потому что это чудо техники всего лишь один из инструментов Поиска. И не самый важный. Самый важный – это способности Старьевщика.

Я нажал на кнопку. Ноут мгновенно загрузился и нащупал все сети, до которых смог дотянуться. И я привычно нырнул в манящую глубину информационных потоков.

Прошелся по открытым и закрытым базам данных. Через несколько минут имел картинку. «Форма номер один» из паспортного стола милиции с фотографией объекта оперативного интереса Ивы Даньяновой, псевдоним... ну, пусть будет Мышь. А кто она, ученая мышь и есть.

В фейсбуке нашлись ее контакты и фотки... Так, вот налоговые документы... Данные о регистрации и жилье. В собственности взятая год назад в кредит пятнадцатиметровая студия на Севере столицы. Понятно, это такой курятник с красивым названием, перед которым клетки в хрущевских пятиэтажках смотрятся княжескими хоромами... Место работы – с этим все с самого начала и так ясно... Зарегистрированные телефоны – две мобилы... Автотранспорт – «Мазда А12» ярко-красного цвета с ярко-желтым верхом. Мадам знает толк в клоунской цветовой гамме.

Ну что, будем звонить. Представляться журналистом «Комсомольской правды»...

Я набрал номер Даньяновой. И получил ответ: «Телефон выключен или находится вне зоны действия сети».

Второй мобильный номер порадовал тем же самым. На квартире трубку не брали... Облом! Бывает. Редко что удается с первого раза.

В МГУ, на родной кафедре фигурантки, мне сообщили строгим женским назидательным голосом – такие формируются только в школах и ВУЗах долготелый практикой, что Ива Корниловна находится в отпуске. Будет не ранее, чем через десять дней.

Плохо это. Мне сейчас очень хотелось увидеть эту Иву и задать ей несколько вопросов. Даже не в вопросах дело. Нужно было кровь из носу просто войти с ней в психоконтакт.

Ничего я не смог бы отыскать для нашей организации, если бы не обладал некоторыми, мягко говоря, неординарными способностями. Я умел находить нити.

Любой Поиск – это клубок из нитей. Большинство их них коротки, быстро обрываются. Но однажды ты ухватываешь такую, что можно размотать весь клубок. Это нити Ариадны. И я ощущал их. В этом было какое-то мистическое таинство.

Иногда нитей Ариадны много. Они сплетаются в клубки и завязываются в узлы событий. Которые приходится распутывать, с риском, кровью и потом. И все для того, чтобы прийти к Предмету!

И я готов был поклясться всеми Святыми, что женщина с финским именем Ива является именно нитью. Притом надеялся, что нитью Ариадны.

Взяв коммуникатор, имевший вид дешевенького смартфона, правда, в пуленепробиваемом корпусе, я набрал нужный код. И поставил задачу по розыску объекта Мышь приданной мне группе оперативной поддержки – ГОП. К ее бойцам издавна прилипло прямо-таки напрашивающееся прозвище «гопники». Ребята там собрались ушлые и опытные. И аспирантку достанут хоть из-под земли.

– И не забудьте про Сартакова и фоторобот, – напомнил я.

– На склероз пока не жалуемся, – недовольно буркнул старший ГОП Леший, не отличавшийся легкостью в общении, чувством юмора и иронии. Он все воспринимал буквально и был прямой, как шпала. – В десять вечера будем у него. Как уговаривались, так сказать.

- По результатам жду доклад.
- Есть, командир.

Ну, вот охота и началась. Я испытывал обычное для таких случаев нервное состояние. Только к нему примешивалось нечто новое – тяжелая тревога. Которая возникла с момента получения задания от Звеньёвого и с тех пор только росла...

Глава 6

В конце комплекса нагрузок я напряг все мышцы так, что голову повело кругом, и, казалось, сейчас взорвусь, как граната. Потом несколько дыхательных упражнений. Готово.

Работа такая – требуется поддерживать себя в отличной физической форме. Поэтому каждый день – по двадцать минут тренировок. И два раза в неделю по полтора часа. Не много, но и не мало. Ровно столько, сколько нужно.

Одна комната моей шикарной квартиры в стиле хай-тек отведена под спортзал. Там шведская стенка и парочка тренажеров, на самом деле совершенно не нужных. Я могу спокойно заниматься сидя, лежа, в любой позе и в любом месте. При этом внешне бездвижно, а на самом деле напрягая группы мышц, заставляя энергию струиться по энергетическим каналам.

После упражнений в душ. Контрастный, чтобы обжигал так, будто еще чуть-чуть, и слезет обваренная кожа, и чтоб потом максимальный холод. Прекрасно прочищает мозги, бодрит и настраивает на деловой лад.

Но на этот раз от душа должного эффекта не последовало. На деловой лад я не настраивался. Зато назойливо откуда-то со стороны долбила неоформившаяся мысль, пытавшаяся пробиться в мое сознание. И у нее это не получалось.

Потом я приземлился на просторный бежевый диван. Там я пристроил ноутбук.

И тут та самая мысль все же пробилась и клюнула меня больно: «А ведь ты что-то упустил в разговоре с главным хранителем. Притом принципиально важное».

Что именно упустил? Да очень просто. Не обратил внимания на сущую мелочь. На то, что Сартаков не слишком удивился интересу госбезопасности к Свитку. Точнее, якобы удивился, но удивление было больше наигранным. И что-то он от меня определенно утаил.

«Гопники» сегодня вечером при встрече, конечно, попытаются раскрутить его по полной программе. Но они не знают, в каком направлении крутить. И не в курсе, что крутить надо жестко. Предупредить их и дать инструкции?.. Нет, не стоит. Тут придется работать самому.

Решено. Завтра снова лично встречу с Сартаковым, уже зная, что с ним наработал Леший. И поставлю все на свои места.

Ну а пока пашем информационную ниву!

Компьютер загрузился. И я рьяно принялся за дело.

Прямых ссылок на Свиток Тамаха Ан Тира в сети нет – уже проверено. Но то, что раритет существовал в сегодняшней реальности – я не сомневался. Иначе меня бы не нацелили на него. Был только один случай, когда Звеньёвой послал меня за несуществующим предметом. Да и тогда попутно я набрел на нечто такое, что было на самом деле нужно. Провидение – оно такое, иногда умеет хорошо шутить.

А если Свиток реален, то не могло в гигантском вместилище информации, которым является всемирная сеть, не остаться хоть каких-то косвенных его следов.

Сейчас для меня главное всем своим существом погрузиться в атмосферу и динамику Поиска. Попытаться мысленно войти в резонанс с Предметом. И тогда информация будто сама начнет находить меня...

Но в этот раз не нашла. Просидел за компьютером я несколько часов. Сгреб отовсюду кучу информационного мусора по древним текстам и рукописям, в которых давно почившие в бозе мудрецы многословно рассуждали об иллюзорности сущего, сне, бодрствовании и мер-

пании Вселенского Духа. А комп все набрасывал мне их и набрасывал. Каким боком это все мне нужно?! Или все же нужно?

За окном стемнело. Я захлопнул ноутбук. Все, устал. Притом настолько, что сегодня не увижу зацепок, даже если они будут перед моим носом.

Подошел к окну. Квартира располагалась на последнем этаже шестнадцатизэтажного здания еще советской постройки. Отсюда открывался волнующий вид на расчерченный косыми полосами холодного дождя город. На магистрали, пронзаемые светляками автомобильных фар. На старые московские улочки с дореволюционными и сталинскими домами. На сияющую, как рождественская елка, высотную, плавную и угловатую, головоломку Москва Сити. На главный небоскреб столицы с духоподъемным названием «Единство», вознесшийся выше Останкинской башни.

Передо мной раскинулось патриархальное прошлое, переходящее в стеклянное и стальное будущее. Игла «Единства», от которой исходил какой-то цифровой бездушный холод, нанизывала на себя эпохи старой златоглавой, кирпично-деревянной Москвы и нового технологического бытия.

Тьфу, опять эта романтика и философские сантименты. Вообще, эмоции у меня стали слишком быстро раскачиваться. Хотя в этом виноват тоже Поиск – он всегда держится на моих обнаженных нервах. Погружаясь в работу, я, вроде бы железный человек, становлюсь порой чувствительным, как гимназистка. Оно понятно – ведь ничего не найдешь, если не ощуcaешь эфемерные нити событий и узелки судеб.

Тут по глазам врезала вспышка света. Затем по ушам ударил оглушительный взрыв. И я рефлекторно будто сжался в тугую пружину, готовый тут же раскрутиться обратно сокрушительным действием.

Уф, совсем плохой стал. Это всего лишь гроза. Всего лишь гром. Обычный гром... Который вызывал в моей душе обвал.

В следующий момент я будто удар под дых получил. Сгусток темного дурного предчувствия впился в меня. Ошпарило холодным дыханием чего-то потустороннего и смертельного, находившего совсем рядом.

Гром и предчувствие. Голос встревоженной природы и тревога на моей душе – как же они любят ходить рядом...

Я сжал пальцы висками. Разобраться бы, что меня выбило из колеи именно сейчас! Будто тьма вокруг сгустилась. Стучало в голове «что-то произойдет». Или уже происходит? Что? Где? Что-то. Где-то. Но небо нам в овчинку покажется...

Я перевел дыхание. Немножко отпустило.

Часы показывали двадцать три пятнадцать. Время позднее. Черт, а от «гопников» ведь никаких известий. По идее, они уже должны были опросить Сартакова.

Сильнее зашелестел по крыше дождь. Я уселся в глубокое мягкое кожаное кресло. Была мысль позвонить Лешему, узнать последние новости. Но что-то удержало меня.

И тут я сам не заметил, как малодушно отключился. Провалился в какой-то стискивающий, тесный, не помню чем нашпигованный, сон.

И резко вынырнул из него. Точнее, меня выбила из этого сна настойчивая трель коммуникатора.

Зеленеющий в углу комнаты циферблат часов показывал полпервого ночи.

– Слушаю! – воскликнул я, нажав на клавишу.

– У нас новости, Старьевщик, – донесся хриплый голос Лешего.

– Надеюсь, не дурные? – сердце сжало холодной рукой.

– Зря надеешься. Мы от Сартакова.

– Припозднились что-то с допросом.

– Не было допроса.

– Это почему?

– В десять вечера ни по телефону, ни на звонок в дверь он не отвечал. Мы как полные дураки прождали два часа во дворе. Свет не горел. Думали, его нет дома. Для очистки совести вышли на базу данных московского видеонаблюдения. Срисовали, что в подъезд он заходил.

– Может, у соседки заночевал? Или с соседом пьет?

– Ты сам говорил, что он педант и держит обещания. И вряд ли бы проигнорировал нашу встречу. Поэтому я решил проникнуть в его квартиру.

– Ну да, – я встряхнул головой. Что-то мне изменяет ясность мышления. – Хвалю за инициативу. И что?

– Да ничего особенного... Милиция и труповозка скоро будут.

– Ты это о чем, Леший?! – воскликнул я, уже отлично понимая, что произошло худшее.

– Отправился наш фигурант в райские кущи.

– Убит?!

– Признаков насильственной смерти вроде нет...

– Так. Жди на месте. Сейчас приеду.

– Не суетись, Старьевщик. Нечего тебе здесь светиться. Все сделаем без тебя. В лучшем виде.

– Хорошо. Будут неожиданности, звони.

– Непременно.

Мой сон как рукой сняло. Как же тяжело жить, когда дурные предчувствия не обманывают.

По какому-то наитию я включил ноутбук. Чего хотел найти – и сам точно не знал. Задал продолжение поиска. И...

Иногда мне казалось, что этот прибор живой. Он как-то переплетен с моим сознанием и судьбой. Очень часто он попадал в масть, даже когда и не просили. Выдавал результат, на который я не рассчитывал.

Вот и сейчас компьютер мне насмешливо выкинул на экране цитату:

«За одним Лабиринтом начинается следующий. И смерть не освобождает нас от груза грехов и недоделанных дел»...

Глава 7

Ненавижу всяческие скорбные учреждения – больницы, кладбища, морги. Я привычен ко всему – к ошметкам человеческих тел, к запаху горелого мяса и жару, идущему от догорающего на горном склоне вертолета с десантом. Слишком много мне пришлось повидать за восемнадцать лет работы на «Фрактал». Так что тонкокожим меня не назвать. Но в этих заведениях я ощущаю холодное и крайне неприятное потустороннее дуновение. Это дыхание загробных миров, заглядывать куда совсем не хочется. Это отзвуки жутковатой песни перекрестка миров, которая не только звучала в моей голове, но и порой настойчиво звала меня за собой.

Под эти потусторонние отзвуки накатывали дурные мысли о том, что слишком я зажился на белом свете. Все должно было кончиться тогда, восемнадцать лет назад, на объекте Ракетных войск стратегического назначения, откуда мы грозили миру хищными межконтинентальными боевыми ракетами «Молот», готовыми стереть хоть Нью-Йорк, хоть Исламабад, хоть всю Францию с Германией одним махом. Тогда зазвучал сигнал тревоги, и моя группа оперативного реагирования рванула вперед. Тогда я и услышал в первый раз эту проклятую потустороннюю песню...

Утром в судебно-медицинский морге, расположенном около Московского зоопарка, меня встретил дежурный эксперт. Понукаемые нашими оперативниками местные потрошители уже закончили вскрытие и готовы были поделиться результатами.

– Пройдемте, посмотрим на тело, – сказал я, надевая белый халат, а затем принимая из рук молодого и весьма высокомерного патологоанатома копию судебно-медицинского заключения и вскользь пробегая по тексту глазами.

Узкие проходы старого здания – еще при царе Горохе здесь препарировали криминальные трупы. Белый кафель. Коридоры с лампами дневного света, только прибавлявшими могильной жути. Помещения с синеющими телами – результат вечного вращения жизни и смерти. И комната-морозильник, как в кино – с выдвигаемыми из стены на металлических «лежаках» объектами патологоанатомического исследования.

Патологоанатом кивнул на правую ячейку:

– Вот.

Он выдвинул «лежак» из стены.

Я внимательно посмотрел на бывшего еще недавно живым доктора исторических наук Сартакова. Лицо его было такое же строгое, как при жизни. Меньше суток назад я с ним разговаривал. И уверял, что никакой опасности для него нет. Получается, что я врал. Но, скорее всего, ввали мы оба.

– Уверены, что нет следов насильственной? – спросил я.

– Абсолютно, – красуясь своим профессиональным апломбом, снисходительно объявил патологоанатом. – Не стоит искать черную кошку в черной комнате. Человеку под шестьдесят лет. Были давние проблемы с сердцем. Ничего удивительного. Чаще всего смерть приходит с косой и бьет именно по сердцу. Больше пятидесяти процентов всех летальных случаев связаны с сердечнососудистыми заболеваниями. Медицинская статистика.

Я отдернул простыню. Внимательно осмотрел тело. Приподнял веко, пригляделся к зрачку.

Патологоанатом наблюдал за мной с видимой иронией и превосходством – мол, пускай чекист поиграется в знатока. Все равно ничего не понимает, и это игра на публику.

Я нагнулся над телом. Нажал ладонями на грудь Сартакова. И глубоко втянул ноздрями воздух. Потер пальцем свою переносицу.

Тут уже патологоанатом посмотрел на меня подозрительно и с опаской. Наверное, я походил в этот момент на какого-то маньяка.

– Ваши манипуляции имеют какой-то смысл? – саркастически осведомился он.

– Никакого. Просто привычка проверять все, – усмехнулся я.

– Мы закончили? Или вам что-то еще надо?

– Закончили. Благодарю. Претензий к вам нет. Экспертиза проведена качественно.

– Вот спасибо, – самоуверенность вернулась к нему.

Наверное, он хороший специалист. И правильно оценил причину смерти. Но так уж бывает – стоит лишь немного сместить угол зрения, и причины событий предстают совсем по-иному.

Запах. Легкий запах. Я его помнил по одному случаю. Тогда тоже были патологоанатомы. И было тело человека, который являлся для меня оборванной нитью Ариадны. И был этот запах.

Капли, аэрозоль, напыление – не так важно, как яд попадает в организм. Но через некоторое время, заданное убийцей, жертва погибает от сердечного приступа. Ни гистология, никакие анализы не выявят присутствия смертельного вещества.

Этот яд используют только десты. Наверное, больше о нем на Земле никто не знает. Только интуиция и обостренный нюх знающего поможет тут. И знающий на сей раз я.

Ну что. Каждый раз, начиная дело, надеюсь, что все пройдет тихо и мирно. Обычно так и получается. Но иногда раскручивается кровавая карусель. И сейчас она начала свое вращение.

Десты очень легко идут по головам...

Глава 8

Влажная хмарь не отпускала город. Половина башни «Единство» была скрыта тучами. Меня ждал очередной дождливый день дождливого давящего лета.

На завтрак сделал себе омлет со свежими помидорами и бужениной. Закушал соевым томатом. И запил томатным соком. Такой Сеньор Помидор. Как пел бард:

«И вкусы, и запросы мои странны.

Я экзотичен, мягко говоря».

Моей трапезе вторил выпуск теленовостей. Каждое утро они звучат на моей кухне. Старая привычка. И порой узнаешь что-то важное для дела.

Индо-Пакистанский конфликт опять переходит в горячую стадию – столкновения на границе с применением артиллерии, есть погибшие с обеих сторон... Общество «Польская инициатива» выдвинуло России требования компенсации в пятьсот миллиардов евро за многовековые преступления оккупации и геноцида... Терракты в Нигерии... Черные беспорядки в США... Подрывы миротворческих колонн в Афганистане.

А еще – аномальная и невиданная жара в Европе. И душная тяжелая влажность в Москве, превращающейся в тропики. Природа злилась на человека, делая его жизнь невыносимой.

Вообще, в этом году на меня наваливалось ощущение, что накаляется все. Погода, отношения, международные и внутренние конфликты. Накаляется разум людей. Пыхтит раскаленным паром котел социума. Перегревается экономика. Плавится культура, производя на свет божий жалких и агрессивных уродцев.

Что-то происходит глобальное в мире. И все чувствуют это, тем более я. Время перемен. Они уже стучатся в двери, крутятся раскаленными вихрями, как пыльная буря в пустыне. Выжигают все вокруг себя.

И заказов на Предметы в этом году стало куда больше. Точнее, их не было столько никогда. А это показатель. Я уверен, что Предметы как-то вплетены в это дыхание ифрита перемен...

Пожары в лесах Индонезии. Пожары в США. Пожары в Москве. Пожары, пожары, пожары...

А вот это важно. Почти полностью выгорел ночью филиал Всероссийского архивного центра на улице Зазнобина. Погиб охранник. Пострадало два бойца пожарного расчета.

Новость неприятно кольнула. Вот недавно вспоминал профессор Одоевский булгаковское «Рукописи не горят». И как накликал – сгорели, да еще как!

Жалко архив. Мою душу старьевщика всегда ранили утраты материальных свидетельств прошлого. В этом филиале хранились уникальные рукописи и книги семнадцатого-двадцатого веков. Были собственноручно исполненные документы великих исторических деятелей. Эх, сколько невозможных потерь.

И резанула неожиданная и болезненная мысль. А что, если в пепел там обратился Свиток? Может, лежал он спокойно на полке. Ждал своего вызволителя – то есть меня. И тут замыкание, пожар. И Предмета нет.

Стоп, это уже паранойя! Предмет в целости и сохранности. И я найду его обязательно. Для этого надо разобраться с гибелью Сартакова. И искать Иву.

Ива Даньянова, она же фигурант Мышь. Первоочередной объект розыска. Я вывел на экран компьютера ее цветную фотографию, которую нашел в Инстаграммах. Женщина лет двадцати пяти. Тонкие, прямые, но немножко грубые черты лица. Пышные белые, явно натурального цвета, волосы. Пронзительные голубые глаза. Типичная скандинавка. Ее далекие предки, наверное, ходили из Варяг в Греки, жили набегами и грабежами.

Ну и где же тебя искать, краса северная? «Гопники» сейчас идут по ее связям и контактам. Пока успехами порадовать не могут. А время капает.

Женщины – вы непредсказуемы, ветрены, безрассудны и обладаете железной интуицией, в том числе ощущением опасности.

И вообще вы странные существа.

Я прошелся по комнате вдоль стены. Десять фотографий. Красивые лица. Почти родные. Такая традиция – в каждом моем логове висят фотографии женщин, которые здесь побывали. Когда появляется новая властительница моего сердца, галерея отправляется в сейф. Чтобы потом вернуться на место, увеличившись на одну фотокартинку.

Интересно, что они всегда уходили от меня сами. И достаточно быстро. Ощущали несовместимость наших ритмов жизни и мироощущения. Притом несовместимость эта принципиальна. Уходила одна, приходила другая. И все повторялось.

Зачем мне нужна эта галерея? Наверное, эта какая-то связь с обыденным миром. Чтобы ощущать себя человеком, а не бездушной функцией «Фракталя».

А вот Иве здесь не было бы места ни при каком раскладе. Я не представляю, чтобы смог связаться с такой женщиной. Она слишком похожа на Снежную Королеву.

Звонок коммуникатора, лежавшего на письменном столе, оторвал меня от созерцания галереи моих бывших. Так, это сообщение от Лешего. Отчет. Что-то сдвинулось? Надеемся.

«Отчет по объекту «Мышь».

Итак, что у нас нового?.. Я надеялся, что сейчас мне кинут адресок или телефонный контакт. Но Ива как пребывала для нас в тени, так и не собираясь оттуда выходить. Получена информация с милицейских дорожных камер. Система «Сель» фиксирует поток транспорта и номера машин. «Мазда» Ивы три дня назад выехала из города по Можайскому шоссе. За пределами Москвы таких камер не густо, так что дальше маршрут отследить не представилось возможным. Ну, хоть что-то. Направление известно, и «гопники» будут его обрабатывать. Суженный сектор поиска – это уже немало... Но и не много.

Другая часть «гопников» обрабатывала линию Сартакова.

Хреново сработал я с ним. Ужасно начал партию. Ошибка за ошибкой. Меня расслабило то, что Звеньевой время исполнения заказа строго не ограничивал. Это означало, что не следует бить землю копытом, рвать удила, но и плестись, как груженная лошадь-водовоз, тоже не стоит. Размеренная спланированная работа наше все. Ан нет! Все сразу пошло наперекосяк.

Мне нужно было сразу вытрясать из Сартакова все, что только можно, как только я заподозрил близкое присутствие деста. Да еще должен был в обязательном порядке установить за ним слежку – срисовать его контакты, да и чтобы не пропал ненароком. И ведь возникала такая мысль, но я самонадеянно посчитал, что противнику Сартаков больше не интересен. А он был интересен.

По мере расследования начали открываться любопытные подробности. Оказывается, никакого совещания в Департаменте культуры в тот день не было. Вместе с тем педантичный и до фанатизма преданный трудовой дисциплине главный хранитель убыл с работы в разгар рабочего дня под явно ложным предлогом, да так и не вернулся. Шатался где-то по своим делам в рабочее время, что для него совершенно нехарактерно.

Наверняка у него была договоренность о какой-то встрече. Которой он, впрочем, не придавал особого значения, и даже вскользь проговорился мне. Взволновался, только увидев удостоверение сотрудника ФСБ.

И встречался он с дестом. Потому что только дест мог использовать яд отсроченной смерти. Вернувшись после этой встречи домой, Сартаков точно в запланированный убийцей срок отбыл в лучшие миры.

Почему убит главный хранитель музея? Это как раз понятно. Десту не нужен свидетель. Их эти твари никогда не оставляют в живых. Важно иное. Если Сартаков стал не нужен, значит, дест получил от него то, что хотел.

Вопрос – что именно. Вряд ли Свиток. Десты еще и крайне прагматичны. Получив Предмет, дест просто оставил бы Сартакова в покое и исчез бы в непроглядной тьме, где водятся такие, как он. Значит, получил он всего лишь сведенья о том, в каком направлении искать Предмет. Нашел, значит, зацепку, сволочь такая.

Получается, я отстаю от врага. И пока не вижу возможности сократить дистанцию...

Глава 9

Леший запросил срочную встречу.

Мы должны были пересечься на Страстном бульваре в тихом скверике. Я заранее приютился на лавочке, наблюдая, как мамыши старательно выгуливают своих чад, укрывая зонтиками от мелкого противного дождя.

Безмятежность простой жизни обычно вызывала во мне неподконтрольный приступ сентиментальности. И прежде всего, самим фактом своего существования. Которое, как я был уверен, невозможно без той грязи и крови, в которой мне приходится пачкаться. Откуда эта уверенность? Я просто это знал. Но сейчас эта мирная идиллия раздражала. Она казалась мне поверхностной.

Леший появился минута в минуту. Он шел по скверу вразвалочку, под зонтиком, походка развязная. Весь в сером – брюки, рубашка с короткими рукавами, туфли. Даже серый галстук зачем-то нацепил. Морда каторжная, нос сломан, шрам на подбородке, улыбка кривая и циничная, фигура по-медвежьки массивная. Обыватели от него опасливо шарахались и держали дистанцию.

– Что за спешность? – спросил я, когда он плюхнулся на лавку, не обращая внимания, что она мокрая.

– Расследование принимает интересный оборот, Старьевщик. Возникла неотложная необходимость переговорить с глазу на глаз. Так сказать, наметить направление поиска.

– Сначала доложи о результатах.

– По уличным видеокерам мы установили часть маршрута Сартакова. Далеко не весь маршрут, но и этого достаточно, чтобы сильно задуматься, – тут Леший сам задумался, замолчал и глядя куда-то сквозь дождь.

– Не томи, Леший!

– Он парковал машину на Улице Авиаторов.

– Улица Авиаторов? Это...

– Это напротив филиала архивного центра.

– Сгоревшего филиала.

– И что у нас получается, так сказать? – со смаком протянул Леший давно прилипшее у нему слово паразит. – Наш головастик был перед пожаром в архиве. Мы ищем старинную рукопись или сведенья о ней. Архив, пожар, гибель. Бывают такие совпадения?

– Все бывает. Но не в этом случае.

– Точно. Связь присутствует, – Леший посмотрел на часы. – У меня через сорок минут встреча со Стеллой Лощанской.

– Кто такая?

– Старший научный сотрудник филиала архива. Она там вроде секретарши, кадровика, администратора. И, главное, человек, призвание которого быть в курсе всего.

– Где встречаетесь?

– В окружной прокуратуре.

– Легенда?

– Следственный Главк Генеральной прокуратуры. Проверка по факту поджога.

– Отлично. Поехали.

– Тебе нужно лишний раз мелькать?

– Похоже, что сейчас нужно.

Стелла уже ждала в отведенном для нашего мероприятия тесном кабинете на третьем этаже здания Прокуратуры Северного округа. Полноватая, не слишком красивая, с упрямым взором карих глаз, она была бледна, руки тряслись. Переживает за родную организацию, которой отдавала всю себя и с которой давно слилась воедино? Возможно.

Она теребила клетчатый розово-синий носовой платок. И, откликаясь с готовностью на наши вопросы, верещала без умолку.

Да, Сартакова она знает хорошо. «Бла, бла, бла» – это многословные характеристики его как важного и понимающего мужчины... Да, он приходил к Анне Иордановне, заведующей филиалом. «Бла, бла, бла» – славословия по поводу прекрасного и чуткого руководителя, которого все так любили... Да, они о чем-то говорили в кабинете. «Бла, бла, бла» – о том, какие важные дела объединяют Анну Иордановну и Сартакова во благо российской и мировой исторической науки и архивного дела.

Мы не первый раз работаем при допросах на пару с Лешим. Ощущаем друг друга с полуслова и одного взгляда, пасуем подачи. И очень хорошо умеем выдавливать из людей откровенность. И хотя бы один из нас моментально просечет, где этой откровенности хронически не хватает.

– О чем они говорили? – спросил Леший.

– Я не имею привычки слушать чужие разговоры, – Стелла в позе оскорбленной невинности.

– Но что-то до вас должно было донестись... Поймите, мы расследуем поджог. Нам важно все. И малейший нюанс может перевернуть всю картину происшествия. Пока она неприглядная с точки зрения вины сотрудников архива. Налицо классическая халатность. Но в каждом деле есть оправдательные моменты. Однако вскрыть их невозможно без действенного сотрудничества работников архива. Вы это понимаете?

– Какая халатность? – взвилась Стелла. – Какая ответственность?

– Сгорели уникальные документы. Сгорело здание. Ущерб огромен. Но мы не хотим ничьей крови и огульных обвинений. Поэтому говорите все. И мы поможем.

– Но какое отношение это имеет...

– Имеет, – веско отрезал Леший.

– О каком-то дневнике они говорили! – сдалась Стелла. – О каком – не расслышала.

– О чем еще?

– Об это шалаве Даньяновой.

– Иве Даньянове? – напрягся я. – Вы ее лично знаете?

– Да кто же ее, шлюху, не знает. Месяцами у нас зависала в архиве. Все в бумагах копалась. Диссертацию пишет. Она и диссертация! Ей на дискотеках с неграми зажигать!

Теперь уж и понукать Стеллу не надо было – наболело. Если у тебя ушки на макушке, и ты трудолюбиво копишь сплетни и всякие предосудительные истории, то появляется непреодолимое желание поделиться своими информационными накоплениями, нажитыми непосильным трудом.

– А вы ее давно не видели? – спросил я.

– Неделю назад видела. Она обещала на мою радость пару недель не появляться. Как сказала – отпуск и развлечения. С очередным бездельником на его папином «Гелентвагене» веселится!

– И где она может веселиться? – полюбопытствовал я.

– А я знаю?

– Ее телефоны не отвечают.

– Вот так она веселится. Отрыв, как сама говорит. От всего.

«Если она еще жива», – подумал я.

В свете развивающихся событий это был далеко не факт. Уверен, что Стелла сильно обрадуется, если Даньянова загнетса в корчах. Такие искренние чувства у женщин возможны, только когда между ними пробежал черный кот, то есть блондинистый атлет. Ну или не атлет. Но пробежал.

Итак, выяснилось, что Сартаков встречался с заведующей филиалом. Это зацепка.

– Телефончик Анны Иордановны не дадите? – спросил я.

– Вы что, ничего не знаете? – изумилась Стелла.

– Чего мы не знаем.

– Вы ей не дозвонитесь.

– Почему?

– Утром... – как-то с трудом произнесла Стелла, скорбно понуриив плечи. – Сердце...

– Умерла?

– Архив был всей ее жизнью. Вот сердце и не выдержало.

Что-то у многих вокруг меня не выдерживает сердце.

Мы переглянулись с Лешим. И он кивнул. Сейчас займется...

Этим же вечером я снова переступил порог морга. И снова тот же патологоанатом. Только усмешка еще шире. Мол, всегда рады видеть постоянных клиентов, которые каждый день заглядывают по поводу новых трупов.

– У вас профессиональный интерес к людям, погибшим от сердечной недостаточности? – поинтересовался он, узнав, по чью душу, точнее, тело, пришли.

– А что, и тут сердечная недостаточность? – спросил я.

– Гражданка Воронцова умерла примерно от того же, от чего и прежний предмет вашего интереса.

– Вас это не удивляет?

– Нисколько... Смотреть товар будете?

– Товар, – усмехнулся я. – Будем.

Та же холодная комната. Труп под простыней.

Я проделал те же манипуляции с покойной Воронцовой, что и с Сартаковым – надавил ладонями на грудь, пригнувшись. Патологоанатом закатил глаза – мол, везет же ему на психов с красными корочками спецслужб.

А я ощутил главное. Сладковатый запах яда отсроченной смерти.

Дест встречался с руководителем погоревшего филиала Архивного центра Воронцовой. Вторая жертва. Лихое начало. То ли еще будет...

Глава 10

Небоскреб возвышался на пятьдесят этажей над всеми окрестностями вокруг улицы Мичурина, что рядом с парком имени Тимирязева. Прямо мемориальный заповедник советских селекционеров. А за парком еще простираются поля Тимирязевской академии.

Я поднялся на лифте на последний этаж. Толкнул дверь с надписью «служебный вход», за которой лестница вела вверх, на технические чердачные помещения. Там вдоль всего здания тянулся длинный коридор с пыльными трубами, алюминиевыми коробами. Там же была ржавая жестяная, но очень крепкая дверь с надписью «техническое помещение».

Я отпер ее ключом. За ней был крошечный тамбур и еще одна дверь, куда более солидная, массивная, с мигающей лампочкой около панели паппилярного идентификатора.

Я подложил на панель ладонь. Послышался шелчок. Идентификация завершена. Все в порядке, иначе тамбур бы уже наполнился усыпляющим газом, или долбануло бы электриче-

ством. А еще где-то зазвучал бы сигнал тревоги, и группа быстрого реагирования рванула бы на вызов.

Провернул в замочной скважине вполне обычный ключ, я с трудом открыл массивную дверь. Шагнул за порог.

Все, я на месте. Узкая и длинная комната, заполненная компьютерной аппаратурой, мониторами. Через всю стену шел огромный черный экран.

Это информационно-поисковый пункт «Фрактала», которым я могу пользоваться в любое время. Отсюда можно протянуть электронные щупальца туда, куда простым смертным путь заказан. Возможности по получению и обработке информации здесь огромные. Куда больше, чем у моего сказочного ноутбука. Который, впрочем, у меня с собой, и я его тут же подключил в общую сеть.

Сколько же денег, материальных и организационных ресурсов нужно, чтобы обустроить такой тихий уголок. А ведь пункт этот наверняка не единственный. Не удивлюсь, если есть что-то куда лучше.

Здесь имелись все условия для жизни. Просторный мягкий диван, два кресла, санузел, мощный кондиционер и огромный, щедро заполненный холодильник. Даже баночка черной икры имелась. Кто-то хорошо присматривает за порядком. Кто? Будем считать – домовой. Ни я, ни он друг друга видеть не должны.

Я приземлился на кресло оператора. И принялся за работу. Подключал хитрые программы. Вводил поисковые параметры, алгоритмы поиска и инициировал имитацию искусственного интеллекта.

Часа три, не поднимая головы, тер пальцами клавиатуру и шерстил мышью чудо-компьютера. Умею я это дело. И люблю – но только когда есть результат.

А результата не было. Все мои поиски – и по Предмету, и по связям фигурантов, и по местонахождению Ивы – все впустую. Компьютеры сегодня напрочь отказывалась служить палочкой-выручалочкой.

«Гопники» тоже рыли носом землю. Главные их цели были Ива и таинственный дест. И тоже пока ничем меня не радовали. Все концы враг вполне успешно и кроваво обрубил.

Мой Поиск тормозил.

Конечно, можно заняться ерундой и написать длинный и красивый план оперативных мероприятий, задействовать на его выполнение тысячу человек. Но все без толку. Реально прорыв может быть только в этих направлениях – дест и Ива.

Оторвавшись от работы, я открыл холодильник. Сжевал бутерброд с краковской колбасой. Запил минеральной газированной водой. Прошелся по комнате.

Интересно, что комната была вовсе не глухая, без окон и дверей, как требовали правила информационной безопасности. Здесь было небольшое, похожее на амбразуру, окошко. Из него с высоты пары сотен метров открывался великолепный вид на Тимирязевский парк и половину Москвы.

Во многих городах пришлось мне жить. Но ни один не притягивал меня так, как этот. Чем? Какой-то взаимный резонанс у меня с Москвой. А еще здесь есть ощущение, что это мировой центр событий. Притом на сегодня этот центр главный, кто бы что ни говорил.

Разгоня застывшую во время сидения за компом кровь, я сделал несколько гимнастических упражнений – резких, на максимум своих сил и даже выше этого. Так учили мои продвинутые инструктора в очень закрытом заведении. Кости вроде пока не трещат, связки не рвутся. Возраст уже не двадцать лет, но еще и не пятьдесят.

Не пятьдесят, но уже за сорок. Время летит стремительно – в какой-то плотной череде событий, так что не успеваешь даже оглянуться и насладиться жизнью. Восемнадцать лет моей жизни – это сплошные Предметы, Поиски, боевые действия. И вновь Предметы. Я был вписан в эту картину идеально. О чем говорил хотя бы тот факт, что у меня не было ни одного про-

вала за всю карьеру. И вот теперь меня гложил мерзкий зубастенький червячок – а ведь счет поражений может быть открыт на этом деле.

Ну, нет, только не уныние! Уныние – причина бед и поражений. Работа с энтузиазмом, песнями и плясками – вот наш путь. Поэтому разогнал кровь, позанимался лечебной физкультурой – пора и обратно в операторское кресло, Старьевщик!

– Ну что же ты, – укоризненно произнес я, пододвинув к себе свой ноутбук, перемигивавшийся и общавшийся в локальной сети со своими соратниками. – Подводишь, старик.

Тут он пискнул в ответ. Будто откликнулся на мои обоснованные претензии.

А потом полезла инфа. Скучная. Жиденькая. Но все же что-то.

Я забегал пальцами по клавишам. Иногда отдавал голосовые команды.

И через три минуты имел на экране изображение.

Духов переулок. Там видеокамера банка «Российская история» зафиксировала вскользь Сартакова. Почему так комп долго искал его? Сложность была в том, что изображение нечеткое, и нашей нейросети идентифицировать объект с первого раза не удавалось. Я бы ни за что не признал главного хранителя Музей Востока в этой фигуре, но компьютер выдал заключение – он.

Сартаков шел по улице, согнувшись от бьющего в лицо колючего дождя. А рядом... Зуб даю, что это липовый профессор Стокгольмского университета Хансен. А на проверку матерый и ушлый дест.

Вырванная из времени и перенесенная из прошлого картинка. Наверное, именно в тот момент дест продумывал, как бы ввести поаккуратнее смертельный яд главному хранителю. Но пока они друзья. Улыбаются. Обсуждают что-то.

Для одного скоро все закончится. А для другого только начинается.

Изображение деста было мутное. Можно было проследить динамику движений, которая так же индивидуальна, как отпечатки пальцев. И задать поиск по аналогии.

Я мертвой хваткой вцепился в эту зацепку. Но, как это ни удивительно, больше ни одной записи деста найти не удалось нигде. Не любил он камеры. Обходил их или умел как-то бороться с ними. Как? Спросить бы его самого, накачав перед этим сывороткой правды. Но это вряд ли удастся. Насколько я знаю, ни одного деста «Фракталу» пока не удалось взять живым.

Переведя дыхание, я задумался ненадолго. Потом сбросил информацию на сервер, откуда она попадет напрямиком к Звеньевому. Это была важная информация, которую надлежало сообщать немедленно...

Момент оказался еще более важным, чем я предполагал. Вскоре сорок пришло сообщение, окрашенное зеленым цветом. Код означал – сдохни, но исполни. Сне предписывалось через сорок минут быть как штык у дома 12 по Моховой.

Я посмотрел на часы – вроде успеваю. Предстоит пройти полкилометра пешком и спуститься в метро. Ведь в информационный пункт инструкциями запрещено прибывать на личных автомашинах. Только ногами. Только в толпе на общественном транспорте.

Отсоединив ноутбук от сети, я сунул его в сумку и взвесил в руке. Своя ноша не тянет... Ну а теперь вперед...

В метро меня ждал водоворот людей. Приезжие, москвичи, средний класс и бродяги. Им нет никакого дела до Предметов. Во всяком случае, им так кажется. А мне кажется, что однажды из-за Предмета, попавшего не в те руки, их размеренный быт и привычная жизнь могут пойти юзом.

На месте я был минута в минуту. Вскоре у дома номер 12 аккуратно, как причаливающая к пирсу богатая яхта, притерся длинный черный лимузин. Распахнулась дверь. И я занырнул в прохладный салон.

Шикарно. Стекла лимузина затемнены. Бар наполнен напитками и льдом. А салон настолько длинный, что можно в боулинг шары катать.

Любит Звеньевой театральные жесты и декорации. Этого лимузина я раньше никогда не видел. Но так уж повелось – на этих встречах всегда ждут сюрпризы.

– Получили изображение? – развалившись на мягком кожаном сиденье в неестественно шикарном лимузине, осведомился я, дабы начать разговор.

Конечно, он получил. И оно его задело настолько, что явилось поводом для срочного randevu.

– Если это тот, о ком я думаю, то проблемы у нас грандиозные, – произнес бесцветно Звеньевой.

– Из-за одного деста?

– Если бы. Это не просто дест. Это системщик.

– Что это за зверь такой?

– Тебе лучше не знать.

– То есть лучше держать меня в неведении? Я же работаю. Мне информация нужна как воздух.

– Пока тебе хватит имеющейся у тебя информации.

– Системщик, – я будто попробовал это слово на вкус. – Голова кругом от этих наших терминов. Как игрушка какая-то компьютерная. Для самых маленьких. В них такие словечки.

– Игрушка... А ты не думал о том, что проигрывающий игрок однажды может просто перевернуть игровой стол? И хорошо, когда есть, кому следить за правилами.

– И следит за правилами «Фрактал»?

– По мере сил. Которые далеко не беспредельны, – кинул Звеньевой. – Что-то разговорились мы с тобой!

И действительно, разговорились. Обычно Звеньевой не откровенничал.

Иногда эти сверхсекретность, когда наверняка не знаешь даже на кого работаешь, сильно утомляет. Я успокаиваю себя только тем, что в этом должен быть какой-то практический смысл. Иначе придется смириться с мыслью, что я работаю на сумасшедших.

Но это еще не беда. Беда в том, что в голосе Звеньевого я впервые услышал колокольчиком звенящие нотки страха. Раньше, когда он излагал мне это задание, у него была растерянность. Теперь настоящий страх у совершенно бесстрашного человека. А ведь это не Звеньевой открывается передо мной с новой стороны. Это ситуация выходила за все мыслимые рамки. Время перемен. Раскаленный мир. И мы у задвижки печи.

– Католик, – со вздохом выдал Звеньевой.

– Что?! – с замиранием сердца переспросил я.

– Его псевдоним Католик... И закрыли тему. Работай...

«Чикаго», – забило у меня в голове.

Да, это было в Чикаго...

Глава 11

В последнее время таких мест становилось в Чикаго все больше. Очередной район, отво-
еванный маргинальным хаосом и преступностью у упорядоченной городской среды. Запусте-
ние, сомнительные личности, вечная криминальная опасность, разбитые окна и выбоины на
асфальте. А еще отсутствие полиции, которая предпочитала лишний раз здесь не появляться,
чтобы не получить по голове камнем. В общем, отличное место для финальной драмы Поиска.

Кровь. Стрельба. Драка насмерть. И в итоге я стоял на плоской крыше краснокирпичного
девятиэтажного дома, рядом с коробом жужжащего вентилятора. В руке у меня был «Вальтер».
У ног лежал шикарный пакет из дорогого бутика, в котором был Предмет.

Мои противники тоже были здесь. Один дест, крупный, мускулистый негр, валялся без-
дыханным, под ним растекалась лужа крови. Другой – статный латинос, стоял на самом краю

крыши. Он понимал, что не может сделать ничего, и тщетно пытался прожечь меня насквозь своим взором.

Конечно, оставлять за спиной живого деста – это полная дурь. Но в глубине моей души жили принципы и основы, которые не позволяли мне стать такой же тварью и придавали всей моей работе осмысленность. И я просто не мог выстрелить хладнокровно в поверженного и уже не опасного врага. Пока не опасного... Помешать он мне уже был в не состоянии. Поэтому я дарил ему жизнь.

– Расходимся! – крикнул я.

Он стоял, покачиваясь на самом крае крыши.

– Расходимся? – дест неожиданно захохотал демонически, как окончательно лишившийся разума. – Ты радуешься? Напрасно. Однажды за тобой придет Католик. И ты пожалеешь, что не сдох сегодня.

– Хватит бубнить. Прощай.

– Не прощай! – крикнул дест. – До свиданья в аду. Скоро мы все встретимся там!

И сделал шаг с крыши. Зачем? Почему? Видимо, страх перед заказчиками был больше, чем даже страх смерти. Ну что же, это его выбор.

На этого вскользь упомянутого Католика я не обратил особого внимания. Кровь бурлила в жилах от только что завершившейся схватки. А предстояло еще эвакуироваться с Предметом. И тут могли ждать всяческие неожиданности.

Но все прошло нормально. Докладывать об этих деталях я не стал. Практически и не вспоминал о Католике. Но иногда та дикая сцена выплывала в памяти. Остался в душе нехороший осадочек. Зловещий такой.

И вот здэссэте-мордасти. Нарисовался этот самый Католик. И было понятно, что это очень большая проблема. Его появление на горизонте испугало самого куратора.

Отвлечшись от воспоминаний, я поднялся из-за письменного стола, где просидел минут сорок, рисуя забавные рожицы на листе бумаги. Какой-то шаркающей усталой походкой прошелся по квартире, без обычного удовольствия взирая на великолепные дизайнерские изыски. На плитках кафельного пола расплывчато отражались изящная, заковыристая мебель и тусклые желтые лампы, светящие с уступчатого потолка.

Я щелкнул кнопками на пульте, и жалюзи поползли вниз. А в ванную начала набираться горячая вода.

Странно это. «Фрактал» всегда вкладывал огромные деньги в оформление оперативных квартир, которые не более чем временное пристанище.

«Временное». Это резкое слово, отрывающее меня от благополучия повседневности, которым живет большинство людей. У меня нет ничего постоянного. Вон, на этой квартире сколько я уже? Полтора года. Долго. Почти предел.

Временные квартиры. Временные имена. Временные документы. Даже внешность вовсе не постоянна. И ничего своего. Ни семьи. Ни увлечений с хобби. Разве только люблю заглянуть в театр на новую премьеру нашумевшей пьесы, или прочитать фолиант по истории России. Но это так, чтобы хоть как-то походить на человека. На проверку этой незатейливой постоянной действительности я не принадлежал. Я Старьевщик.

Восемнадцать лет назад, в той катастрофе на ракетном полигоне, я чудом избежал гибели. Наверное, именно тогда я получил предназначение. А пренебрегать предназначением – мало имеется более тяжких грехов. И моя жизнь, мысли, устремление, время – все с той поры принадлежит «Фракталу». Иногда мне кажется, что даже моя смерть не разлучит нас.

Ну а «Фрактал» демонстрирует свое сочувствие и содействие как может – шикарными интерьерами, красивыми вещами, финансовым изобилием. Живу как при коммунизме, получая все необходимое по первому требованию. Только личных требований у меня немного.

Я вышел на балкон. Вдохнул полной грудью сгустившийся вечер. Он впитал до остатка солнечный свет и выплеснул его в черноту тусклым сиянием Луны, россыпью огоньков окон, реклам и фар автомобилей. Все зыбко. Матрица моего мира меняется.

В мою крепость уже стучится всеми четырьмя беспокойными копытами непоседливый бес перемен. От стен становящейся чужой квартиры отражаются и снова впиваются в сознание шальные мысли и беспокойство. Яркая, как фонарь, Луна, светящая прямо в окно, хозяйка всех потаенных темных дел, будто сигнализирует мне – Опасность!

А нервишки у меня все-таки не в порядке. И виноват во всем новый Поиск. Сейчас он не просто привычная мне работа, а важный этап моей судьбы. Осознание этого факта жило во мне, не нуждаясь в доказательствах. Дальше у меня – восхождение или пропасть.

И ведь идет этот окаянный новый Поиск через пень-колоду. Как его тянуть дальше? Куда бежать, кого трясти? Пока что понятно одно – мне нужна аспирантка Ива Даньянова. И я получу ее.

Я встряхнул головой, прогоняя неуверенность и раздрай. Так не пойдет. Надо чем-то отвлечься. Чем? Ну не напиться же в хлам. Достаточно мне волшебной силы искусства. Обычно помогает.

Я плюхнулся на диван. Закинул ноги на спинку. Нашупал дистанционный пульт телевизора. Глубоко вдавил заедающую кнопку. Загорелся семидесятидюймовый экран.

В он-лайн списке длинный перечень голливудских фильмов ужасов и детективов. Все это по боку. Обывателю необходим леденящий кровь ужастик или кровавый до тошноты боевик, поскольку ему в жизни не хватает острых эмоций. У меня своих ужасов достаточно, зато хронический недобор оптимизма.

Вот то, что надо! «Страна Багровых Туч». Любимый фильм детства о несостоявшемся будущем, снятый в восьмидесятые годы режиссером Романом Викторовым по роману братьев Стругацких. Это про освоение планеты Венера отважными космопроходцами Союза Советских Коммунистических Республик. Когда писался роман, в конце пятидесятых, считалось очевидным, что на сестре Земли присутствует развитая биосфера, бродят первобытные чудовища, вскипают ядерными взрывами залежи урана. Но все оказалось куда скучнее. Советская автоматическая станция «Утренняя звезда», совершив посадку на поверхность Венеры в 1972 году, намеряла там давление в пятьдесят атмосфер и температуру в двести градусов. Какие уж тут чудовища.

К Венере наши станции не летают давно. Человечество потеряло интерес к Сестре Земли. И вообще теряет интерес к миру за пределами своего курятника. Простые люди погружаются в виртуальные грезы, в то время как ушлые ребята манипулируют ими, стремясь к контролю и господству. Гниль прорастает. А Марс и Венера не нужны...

Милый старый фильм. Вездеход с ядерным двигателем как раз ломился через зону природного атомного взрыва. Один из самых драматичных моментов.

Я аж внутренне подобрался... И тут меня сбilo со сладостного момента единения с искусством кино настойчивое пиликанье коммуникатора.

Мельком глянув на код, понял, что звонит старший ГОП Леший.

– Нашел объект один? – с места в карьер кинулся я, почему-то уверенный, что звонок касается Ивы.

– А как же, – прохрипел Леший.

С замиранием сердца я спросил:

– Жива?

– Живее и пьянее всех живых!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.